УДК 261.7

Иерей Георгий Кобзев

Церковно-государственные отношения: в сфере охраны объектов культурного наследия (памятников) истории и культуры Российской Федерации на примере Омской епархии

В статье рассматривается изменение законодательства в РСФСР в сфере охраны памятников культуры после окончания Гражданской войны. Также изучается правоприменительная практика закрытия храмов, являющихся памятниками архитектуры.

Ключевые слова: *охрана объектов культурного наследия, Омская область, памятники архитектуры, храмы.*

Научных трудов, в которых охватывались бы проблемы охраны церковных памятников, немного, в некоторой степени это обусловлено узкой специализацией данной темы, так как она касается Омского региона [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Благодаря опубликованным разнородным источникам, к которым можно отнести книги, материалы научных конференций и периодической печати, можно отчасти провести анализ исторических событий, результатом которых явилось создание органов охраны памятников и, с другой стороны, нанесение умышленного ущерба храмам и массовое их уничтожение. Актуальность темы данного исследования обусловлена важностью осмысления процессов деятельности по охране памятников, прежде всего храмовой архитектуры в Омском регионе.

После упразднения монархии церковная собственность оставалась в ведении государства. Временное правительство изменять статус церковного имущества, в том числе недвижимого, не спешило, продолжая финансирование Духовного ведомства и после Февральской революции. Фактически церковные здания переходили под контроль местных властей. На волне революционных настроений, поднявшейся после упразднения самодержавия, народ ожидал новых «свобод», подумывал о приобретении церковных богатств и земель. Омские епархиальные ведомости писали: «В Омске ежедневно около загонов скота и около водопроводных будок ругают попов, говорят, что скоро храмы будут уничтожены, золото и серебро отберут на нужды народа» [8].

Поместный собор Русской Православной Церкви в декабре 1917 г., уже после Октябрьской революции, в надежде, что новая власть прислушается к мнению Церкви, принял постановление, в котором, в частности, провозглашалось:

«22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации и отобранию, а самые установления не могут быть упраздняемы без согласия церковной власти.

23. Имущества, принадлежащие установлениям Православной Церкви, не подлежат обложению государственными налогами, волостными, городскими и земскими сборами, если эти имущества не приносят дохода путем отдачи их в аренду или наем» [9, с. 39].

Радикальное изменение в имущественные права Русской Церкви Советская власть внесла Декретом СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от церкви», где говорилось:

«ст.12 Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

ст.13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

Таким образом, этот Декрет положил начало отчуждению церковного имущества в пользу государства и впоследствии утрате множества культовых художественно-исторических памятников, в том числе зодчества. «В инструкции к этому «Декрету» подчеркивалось, что все ценности, имеющие художественное значение, переходили в ведомство Наркомпроса, где проводилась их атрибуция. Выделенные «уники»[1] направлялись в музеи, остальные передавались общинам верующих на правах арендных договоров». Политика национализации частной собственности и церковного имущества была основной финансово-экономической составляющей Советского государства, так как оно сосредоточивало в своих руках максимум материальных и финансовых ресурсов. Поэтому сложно допустить, что, если бы Русская Церковь имела права на свою собственность, это могло бы как-то уберечь ее имущество от национализации.

В мае 1918 г. создается коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, во главе которой встал художник и искусствовед И. Э. Грабарь, затем это место заняла Н. И. Седова-Троцкая, (жена Льва Троцкого), которая собрала в отделе оставшихся в стране профессионалов в сфере сохранения памятников искусства и старины [10, с. 288]. Работа этого комитета, с одной стороны, приостановила незаконный вывоз культурных ценностей за границу, но, с другой стороны, распродажа предметов искусства началась на государственном уровне.

05.10.1918 г. выходит декрет СНК РСФСР «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Этим документом на законодательном уровне узаконивалась государственная охрана памятников культуры и архитектуры, регламентировался незаконный вывоз предметов искусства за границу. Но, с другой стороны, понятие «памятника» не конкретизировалось и могло трактоваться широко. Это породило прагматичное отношение к памятникам старины, их можно было продать, использовать в хозяйственных или иных целях. Финансовые трудности у Советской власти продолжались всю Гражданскую войну.

19 февраля 1922 г. вышло разрешение патриарха Тихона жертвовать с целью помощи голодающим драгоценности и дорогие церковные предметы, не употребляемые в богослужении. Православное движение помощи голодающим начало набирать силу по всей России, но решением власти Всероссийский церковный комитет был закрыт, а собранные средства конфискованы.

[1] Т. е. «уникальные».

23 февраля 1922 г. выходит Постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей для борьбы с голодом в Поволжье. Кампания по изъятию церковных ценностей в Омской губернии началась 8 апреля 1922 г. и закончилась в конце мая. Результаты конфискации ценностей из всех церквей города: золотых изделий изъято 38,5 фунтов 36 золотников 48 долей (ок.18-19 кг.); серебряных изделий – 35 пудов 10 фунтов (ок.578 кг.) [6, с. 349]; драгоценных камней в омских церквях не оказалось. В синагогах и мечетях брать было нечего, и конфискация их не коснулась. Многие из конфискованных вещей имели художественную ценность, часто уникальные, изготовленные индивидуально для какого-либо храма, они приобретались верующими на свои деньги.

С 1921 по 1922 г. в Омске национализировали все культовые здания и закрыли все домовые и ведомственные храмы. В этот период Омская и Павлодарская епархия фактически оставалась без архиерея и сиротствовала до 1924 г. В это же время, согласно исследованиям омских историков-краеведов, в рамках создания губернских памятникоохранных комиссий в 1923-1924г. г. почти одновременно в Омске образовалось две такие комиссии, которые должны были заняться учетом и сохранностью памятников искусства, старины и природы. Одна – при Омском краевом музее от ГубОНО, а другая – при ЗСО РГО[1]. Комиссия Краевого музея была юридически и материально более обеспечена, чем комиссия Географического общества, но общей работы у них не получилось, так как «Музей» отказал «Обществу»в ответ на предложение вести совместную деятельность [11, с. 36-37]. После этого комиссия Географического общества посчитала невозможным проводить дальнейшие исследования в Омских церквях [11, с. 37]. Вероятно, ЗСО РГО стремился взять на себя координирующею функцию, со своей стороны ГубОНО, как госучреждение, видело только себя в роли руководителя и координатора данной деятельности. Исходя из этого советские чиновники отдавали предпочтение государственному подразделению, т. е. Краевому музею, нежели общественной организации, каковой являлось ЗСО РГО [11, с. 39]. Результаты обследования и рекомендации проводились по всем значимым культовым и гражданским зданиям. Вот, к примеру, обследование Воскресенского собора г. Омска:

«1. Крепостной собор закончен 1775 г., в условиях Сибири такой памятник представляет большой исторический интерес и значение.

2. Как произведение зодчества крепостной собор ..., является ценным архитектурным памятником.

3. ...

4. Что касается внутреннего убранства, то архитектурные украшения отличаются хорошим качеством исполнения и соответствием с архитектурой здания, должны быть сохранены в полной мере.

5. Особую художественную ценность по своей общей композиции представляет резной иконостас, иконы которого гармонично связанны друг с другом. Иконы иконостаса художественного значения не имеют, но в отдельных случаях дают ряд отдельных любопытных моментов, например, архангелы с казачьими шашками.

6. ...

[1] Западно-Сибирским отделом Российского географического общества. Осн.30 июня (12 июля) 1877 г.

7. Как памятник искусства и старины крепостной собор должен быть использован под музей, книгохранилище, архивохранилище и т. п., но с непременным условием сохранения его наружного и внутреннего вида. Использование собора под клуб или аудиторию не представляется возможным, так как, помимо указанных причин исторического и художественного характера он не велик по размерам, плох в отношении акустики, имеет ряд других архитектурных неудобств» [3, с. 99]. Несмотря на рекомендации, под охрану не было принято ни одного культового здания.

В 1924 г. при поддержке власти в Омской области появилось движение «Живая церковь», впоследствии переименованное в обновленчество, члены которого хотели получить в аренду все храмы города. Расчет власти был понятен: к «живоцерковникам» народ не пойдет и храмы за «ненадобностью» можно будет закрыть. Вначале так все и произошло: обновленческий епископ Петр Блинов[1] приписал все приходские общины Омска к «Живой церкви», но приходы были фиктивными и храмы пустовали, поэтому некоторые были просто разграблены. С приходом на омскую кафедру архиепископа Виктора (Богоявленского) с марта 1924 по 1929 г., который стал разъяснять пагубность обновленческого раскола, уже к середине 1925 г. из 19 православных храмов у обновленцев осталось 3, все остальные православные приходы перешли к Тихоновскому течению. Пустовавшие обновленческие храмы Успенского собора, Воскресенского и Свято-Никольского казачьего собора были закрыты, а вскоре за короткий срок закрыли и все церкви города. Закрытие происходило по одному сценарию. Создавалась специальная комиссия, которая проверяла культовое здание, находила многочисленные недостатки, и, если община за короткий срок не могла осуществить ремонт, то договор на пользование помещением разрывался. В Омске со свободными помещениями было сложно и на здание церквей претендовали многие учреждения. За период с 1922 г. по 1937 г. многократно изымалось церковное имущество и увеличивались налоги за аренду храмов и регистрацию общин, при этом духовенство и верующие подвергались репрессиям и колоссальному давлению. К 1937 г. в Омске не осталось ни одного православного прихода.

Государственная политика 1920-х–30-х годов была направлена на искоренение религии и не предполагала сохранения значительного большинства культовых зданий, считая это наследием «проклятого прошлого». В опубликованном письме Главнауки «О распределении памятников архитектуры на категории» от 17 января 1928 года были сформулированы общие принципы их классификации. Основным критерием являлась историческая, архитектурная и художественная ценность. Памятники подлежали разделению на четыре категории (высшую, первую, вторую, третью), определявшие степень охраны и подведомственность центральным органам власти или местным органам власти. «В основу этой разработки был положен хронологический принцип». Выделялись 1613 г., как «переломный в эволюции архитектуры после смутного времени», 1725 г. – «время решительного преобладания западноевропейских влияний» – и 1825 г., как расцвет стиля ампир.

Категории составлялись по следующим критериям:

– высшая категория – «уники» (охрана всех частей объектов);

– первая категория – все каменные постройки до 1613 г., деревянные

[1] Ноябрь 1922 – 1935: митрополит «всея Сибири».

до XVIII в. (перестройки возможны при особом разрешении и тщательной фиксации всех их этапов);

– вторая категория – все каменные постройки от 1613 до 1725 г., деревянные от второй половины XVIII в. до 1825 г. (охрана только в фасадных частях);

– третья категория – каменные постройки от 1725 г., деревянные от 1825 г.

– четвертая категория – охрана отдельных частей памятников (в случае перестройки – фиксация всех ее этапов), всё построенное после 1825 года было отнесено к обычной застройке и государством не охранялось.

Понятно, что в Омске под такие хронологические рамки не подходил ни один храм. Самый первый каменный храм – Воскресенский военный собор – был заложен лишь в 1769 г. и освящен в 1773 г. Если придерживаться официальной исторической версии, что освоение Сибири началось в XVI–XVII веках, то ни к высшей, ни к первой категории нельзя отнести ни одно храмовое здание Сибири. Если говорить об Омске, то капитальное строительство города началось со второй половины XIX в., том числе и церквей. Поэтому понятие «историческое и культурное наследие» для Сибири и для Омска имело и имеет несколько иное значение, чем для Центральной России и русского Севера. Специалистами и искусствоведами того времени была проделана большая экспертная работа по сохранению исторического и культурного наследия города, но у местных властей отсутствовало желание сохранения «идеологически вредного» наследия прошлого. Вследствие этого исчезло квалифицированное наблюдение за памятниками храмовой архитектуры, как необходимое условие их сохранения.

Последняя опись происходила в 1938 г., в присутствии представителей Госбанка, областного краеведческого музея и инспекторов ГорФО.

В Галкинской церкви по описи сняли иконостас, и представители товарищества «Художник» с инспектором ГорФО провели обследование на предмет драгметаллов. Было выявлено 5 кв. м. колонок и резьбы, золоченых сусальным золотом, – их передали в омскую контору вторцветмета. Акт обследования иконостаса был выслан в Москву на завод обработки цветных металлов для принятия решения. Через несколько месяцев туда же отправили 141 кг. парчовых изделий. В отдел драгоценных металлов Наркомфина СССР выслали 7,9 кг. серебряных предметов – подсвечников, кадил, риз от икон, кружек. Оставшееся имущество 7 декабря 1938 г. было переколото на дрова, а это большой деревянный крест, 166 икон, остатки иконостаса, всего – 1,25 кубометра дров на 25 руб.

Свято-Ильинский собор. С февраля 1935 г. община не смогла внести высокий налог за аренду земли и храма, и здание было использовано для хранения зерна. В феврале 1936 г. было принято решение о сносе Ильинской церкви под предлогом увековечивания памяти А. С. Пушкина, памятник которому хотели поставить на Ильинской горке.

Успенский кафедральный собор. В 1934 году партийное руководство области решило перестроить храм в оперный театр, в связи с этим была создана комиссия по обследованию акустики собора под руководством инженера А. Д. Лебедева. Акустика была найдена удовлетворительной, но данным планам не суждено было реализоваться. Инженер А. Д. Лебедев вскоре был репрессирован и расстрелян. Судьба храма была решена 17 февраля 1935 года на заседании Президиума Омского областного исполнительного комитета Советов РК и КД. По предложению начальника управления народного комиссариата внутренних

дел по Омской области было принято решение о сносе здания. Предполагалось использовать кирпич для строительства здания НКВД, но храм после взрывов распался на крупные блоки.

Свято-Никольский казачий собор. Прихожане Никольского Собора пытались вернуть себе храм и многими попытками. Общине была представлена смета на сумму 44117 рублей 28 копеек и дано предписание заплатить залоговую сумму в размере 22000 рублей. Естественно, эти суммы было нереально выплатить. В октябре 1928 года тихоновцы сообщили властям, что не могут выплатить сумму в размере 22000 рублей. Омский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял 10 ноября 1928 года решение «О закрытии здания Никольского казачьего Собора и передаче его под культурные нужды» [12, с. 47]. ВЦИК утвердил закрытие Никольского казачьего Собора 10 января 1930 года. Был переоборудован первый этаж: выстроена сцена, зрительный зал и фойе. Также были надстроены два этажа. В них расположились библиотека из 20000 томов книг, кружки для творчества и кафе. Купол храма стал комнатой отдыха, путём возведения перекрытия отделен от основного зала. Были пробиты окна и двери. Клуб строителей назвали именем Степана Халтурина. В период Великой Отечественной войны Никольский собор стал функционировать как проектно-монтажный институт, а затем как конструкторское бюро имени Туполева со складом. После здесь был кинотеатр «Победа». Статус кинотеатра собор имел в 1940-е и 1950-е годы. В 1960-е годы, когда открылся новый кинотеатр «Спутник» на Ленинградской площади, кинотеатр «Победа» стал не нужен и был закрыт. В дальнейшем здесь размещались комитет культуры, школа музыки, комитет по спорту и управленческая структура, связанная с кинофильмами. 1966 год стал временем, когда здание перестало эксплуатироваться. Это начало приводить к разрушению храма. На куполе храма, как говорили очевидцы, даже выросла берёзка.

Крестовоздвиженский собор. 5 ноября 1936 года Президиум Омского облисполкома принял решение разрушить храм, а на его месте построить школу. Принимая решение о сносе церкви, власти допускали явное нарушение заключенного с общиной договора об использовании здания церкви общиной верующих, условия которого со стороны прихожан неукоснительно выполнялись. В ответ на это постановление верующие общины Крестовоздвиженской церкви 18 ноября подали протест в ЦИК РСФСР. 26 ноября подобный протест был направлен и в Омский облисполком. В результате снос здания был приостановлен. 25 декабря 1937 года Президиум ВЦИК принял постановление за подписью М. И. Калинина: «Церковь закрыть. Здание снести». Постановление было выполнено лишь наполовину: общину ликвидировали, а в здании разместили общежитие кожевенно-обувной фабрики. 27 февраля 1938 г. Крестовоздвиженская церковь осматривалась на предмет выявления драгоценных металлов и предметов музейного значения. В церкви нашли коллекцию монет, среди которых были и монеты 18 в., различные медали и жетоны в честь многих памятных событий. Часть из них была передана в музей для пополнения нумизматической коллекции (29 монет и 140, из них 11 штук хранились в шкафу у заведующего ГорФО). Красный ковер с бордовыми полосами, как образец старинной ручной работы, и старые книги отдали в музей. Составили опись предметов, которые содержали серебро. В нее включили также парчовые покрывала, ризы епитрахили, набе-

дренники и прочее имущество. Все это имущество было отправлено в феврале 1938 г. на адрес Хозяйственного отдела НКВД в Москву и весило 500 кг. В апреле 1938 г. в отдел драгоценных металлов Наркомата финансов СССР направили посылку с потирами, крестами и ковшами весом 16,5 кг. Все остальное описанное церковное имущество хранилось на складах Омского драматического театра и в спецотделе горсовета. 20 мая 1938 г. остальное имущество Крестовоздвиженской церкви, а это 259 деревянных икон, 210 церковных книг, 77 лампад, 8 Евангелий и Апостолов, 29 рам для икон, было уничтожено на складе. Значительная часть описанного имущества других храмов была распродана населению через магазин № 2.

Литература

1. Васильева, С. Омский Успенский кафедеральный собор: альбом. – Омск: Изд-во НПО «Мостовик», 2008.

2. Жук, А. В. Иерархи Омской Церкви. – Б. м. Б. г.

3. Лебедева, Н. И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. Ун-та; Полиграфист, 2003.

4. Омский Успенский кафедральный собор: науч. -попул. сб. / А. М. Лосунов [и др.]. – Омск: Фонд охраны археол. наследия, 2007.

5. Опыт возрождения храмоздательства / П. Ф. Дземешкевич [и др.]; под общ. ред. А. Р. Нелепова. – Омск: Изд-во СибАДИ, 1999.

6. Перминов, Ю. П. Свято-Ильинский собор. – Омск: Региональный общественный фонд «Духовное наследие», 2017.

7. Попов, С. А. Православные храмы в культурно-историческом пространстве Омской области. – Омск: Амфора, 2014.

8. Доклад на Чрезвычайном Епархиальном Съезде // Омские епархиальные ведомости. – 1917. – № 24 (11 июня).

9. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918. Определения. Вып. 2. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013.

10. Личак, Н. А. Н. И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 288.

11. Лосунов, А. М. «Работать дальше….невозможно» // Историко-культурное наследие Омского Прииртышья. Вып. 4 (2). – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010.

12. Благодатный, Д. В. История Никольской Казачьей Церкви. Выпускная квалификационная работа. – Омск: Омская духовная семинария, 2018.

Priest George Kobzev

Church-state relations: in the field of Protection of cultural heritage (monuments) of history and culture of the Russian Federation on the example of the Omsk Diocese

The article discusses changes in legislation in the Russian SFSR in the field of the protection of cultural monuments after the end of the Civil War. We also study the law enforcement practice in relation to the closure of temples, which are architectural monuments.

Keyword: *protection of cultural heritage, Omsk region, architectural monuments, temples.*

References

1. Vasilyeva S. Omskij Uspenskij kafederal'nyj sobor [Omsk Dormition Cathedral]: the album. Omsk, 2008.

2. Zhuk A. V. Ierarhi Omskoj Cerkvi [Hierarchs of the Omsk Church]. No place or date.

3. Lebedeva N. I. Hramy i molitvennye doma Omskogo Priirtysh'ya [Temples and prayer houses of Omsk Irtysh]. Omsk, 2003.

4. Omskij Uspenskij kafederal'nyj sobor [Omsk Dormition Cathedral] Omsk, 2007.

5. Opyt vozrozhdeniya hramozdatel'stva [The experience of the revival of Church-building]. Omsk, 1999.

6. Perminov Y. P. Svyato-Il'inskij sobor [St. Elijah's Cathedral]. Omsk, 2017.

7. Popov S. Pravoslavnye hramy v kul'turno-istoricheskom prostranstve Omskoj oblasti [Orthodox churches in the cultural and historical space of Omsk region]. Omsk, 2014.

8. Doklad na Chrezvychajnom Eparhial'nom S»ezde [Report on Emergency Diocesan Convention] // Omsk diocesan Bulletin. – 1917, 11 June, no. 24.

9. Svyashchennyj Sobor Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917-1918. Opredeleniya [The Sacred Council of the Orthodox Russian Church in 1917-1918. Definitions. Vol. 2]. Moscow, 2013.

10. Lichak N. A. N. I. Sedova-Trockaya kak organizator i rukovoditel' sohraneniya pamyatnikov iskusstva i stariny v guberniyah Sovetskoj Rossii v 1920-h gg. [N. I. Sedova-Trotskaya as an organizer and head of preservation of monuments of art and antiquity in the provinces of Soviet Russia in the 1920s.] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical Bulletin]. 2016, no. 1. P. 288.

11. Losunov A. M. «Rabotat' dal'she….nevozmozhno» [«It's impossible…to work further» // Istoriko-kul'turnoe nasledie Omskogo Priirtysh'ya [Historical and cultural heritage of Omsk Irtysh. Vol. 4 (2)]. Omsk, 2010.

12. Blagodatny D. V. Istoriya Nikol'skoj Kazach'ej Cerkvi [History of St. Nichola's Cossack Church]. Final qualifying work. Omsk: Omsk Theological Seminary, 2018.